

Я родом из необычного городка, расположенного на южном побережье Калифорнии. В этом маленьком кусочке рая самой высокой достопримечательностью был не шпиль церкви, а величественный кедр на вершине холма, который с любовью прозвали Банни-Ледж из-за обилия зайцев. И, конечно же, как знает любой житель прибрежной Калифорнии, наш самый дальний горизонт обозначил бескрайний Тихий океан. Выросший рядом с огромным синим простором, я давно научился ценить ощущение липкости от холодной воды на своей коже. Каждое утро я просыпался от привкуса соли на губах и отвратительного крика чаек, кричащих над волнами. Мое детство было симфонией грохота прибоя и скрипа пирсов. В основном это было мирно, и мне это нравилось. Еще больше я любил спокойствие уединения. Одиночество было моим убежищем, особенно во время прогулок домой из школы, где я наслаждался отсутствием обязательных социальных взаимодействий. Это, конечно, неизбежно означало, что большую часть моей школьной жизни у меня было мало друзей. Точнее, всего два. Их имена Джереми Фишер и Лола Брукс. Мы с мисс Брукс разделяли склонность к интроверсии и отвращение к светским делам. Фишер, с другой стороны, был нашей противоположностью: нарушитель спокойствия, умеющий создавать проблемы. Именно он начал драки с обзывателями из бейсбольной команды. Он был проблемным ребенком. Тот, который меньше всего нравится большинству уважающих себя взрослых и считается всеми плохо влияющим. И все же, несмотря на наши разногласия, Джереми был стержнем нашей дружбы. Почти как по маслу, мы собирались каждые выходные, чтобы развлечься, обычно по его указанию. Иногда мы играли в игры на консоли, которую отец подарил мне сразу после развода, когда все еще было обнадеживающе. В других случаях мы запоем смотрели аниме у него дома, наслаждаясь подборкой из обширной коллекции в его библиотеке. В то время Брукс была одержима миниатюрами, поэтому время от времени мы заходили к ней домой, чтобы подлизаться к ее последним приобретениям. Мы были лучшими друзьями и проводили вместе почти каждый день... По крайней мере, мы так делали, пока эта пара не стала чем-то особенным. Это... это был очень неловкий перерыв. Понятно, что Брукс и Фишер были озадачены и разочарованы моим внезапным уходом из клики. В то время даже я не совсем понимал, почему я вдруг возненавидел их. Хотя не все было так уж плохо. Когда мы поссорились, мы собирались окончить среднюю школу, так что, к счастью, этот инцидент продлился недолго. Моя мать сначала была обеспокоена моим внезапным решением перейти в другой университет в совершенно другом штате, но, учитывая ее тип человека, это тоже не имело большого значения. Жизнь в какой-то степени обрела некоторое подобие нормальности. Я потерял любовь к аниме и миниатюрам и вместо этого занялся моддингом игр в качестве хобби. На втором году обучения я устроился на удаленную работу по разработке программного обеспечения, чтобы пополнить свои и матери счета, когда алименты внезапно перестали поступать. в суд, когда он и все его активы были перевезены в другую страну на другом конце света. Поскольку мой круг общения сузился, Крис стал моим единственным доверенным лицом — дружелюбным соседом по койке и однокурсником. Тем не менее, несмотря на наши общие интересы и повседневное общение, я не мог избавиться от чувства беспокойства вокруг него, возможно, из-за его сверхъестественного сходства с Джереми в том, что он был серьезным, общительным и общительным почти до предела. Однако с тех пор прошло уже несколько лет, и иногда я не могу не задаться вопросом, не был ли я слишком суров с Крисом. И Джереми. И Лола тоже. Возможно, так оно и было. — Итачи-кун. Я моргнул, внезапно осознав, что стою на месте, блокируя вход в дом. Выдохнув, я отодвинулся в сторону, чтобы положить коробку на стопку снаружи у раздвижных дверей. Позади меня стояла Микото, подложив одну руку под Саске, а другую положив на талию. Внутренне поморщившись, когда ее неодобрительный взгляд встретился с моим, я ответил: — Да, мама? — Ты снова мечтаешь, — отругала Микото, поворачиваясь обратно в комнату и расхаживая, пытаясь срыгнуть сонного малыша, висевшего у нее на груди. — Поторопись с этими коробками и помоги мне с одеждой твоего отца. Якуми-сан будет здесь и поможет с багажом через пятнадцать минут. Не будем заставлять его ждать. — Да, мама. Я дорожил нашим домом, поэтому неудивительно, что я не хотел переезжать. К

сожалению, Лорд Данзо постановил, что нас вытеснят на периферию общества, не оставив нам иного выбора, кроме как уйти. Хокаге казался бессильным перед своим кукловодом, и Отец не мог сопротивляться, не проявляя мятежа. Это было досадно, но в конечном итоге мне пришлось принять это как еще одну суровую реальность той жизни, которую мне теперь приходилось жить. В такие моменты я старался не слишком много думать о будущем. Конечно, я прекрасно понимал, что произойдет. Когда-то я верил, что мои действия и существование будут иметь некий эффект бабочки, который сбивает сюжет с рельсов. Нет там такой удачи. Отец показал мне, как выглядела настоящая война, родился Саске, а действия Обито неизбежно привели к гибели Минато. Детали менялись, но все действительно важное — общие мазки — оставалось неизменным. Я поставила последнюю коробку снаружи, стараясь не позволить себе снова погрузиться в дела, а затем вернулась в комнату родителей, чтобы собрать последние отцовские кимоно. Нежный шелк требовал бережного обращения, чтобы не допустить появления складок, поэтому я не торопился складывать и заворачивать его для транспортировки. Осматривая теперь уже пустую комнату, я слегка нахмурился. Гнев, который когда-то был редкостью в моем поведении, теперь, казалось, всплывал слишком часто. Несмотря на то, что меня провозгласили гением, я чувствовал себя глупым и неадекватным, оказавшись в ловушке застоя. Казалось, каждый день неумолимо приближал меня к той ужасной ночи. Мне казалось, что все мои усилия тщетны — внутри меня кипело разочарование. — ...что случилось, Итачи? — Голос матери прервал мои мысли из-за пределов комнаты. Я повернулся к ней лицом, сглаживая выражение лица. Саске заснул, его безмятежное лицо дало короткую передышку моему беспокойному разуму... пока реальность нашей ситуации не вернулась обратно. — Ничего, мама, — соврал я, собирая сложенные кимоно и выходя на улицу. Прибыл Якуми, деловито запечатывая наши вещи в свитки для хранения. — Добрый вечер, Итачи-сан, — поприветствовал шиноби, когда я добавлял последние предметы в коллекцию. — Добрый вечер, Якуми-сан, — ответил я кивком. — Мой отец уже вернулся? Шиноби покачал головой; пучок, венчавший его темные волосы, покачивался при движении. — Он все еще на станции. Произошло что-то важное, поэтому он поручил мне сообщить Микото-сан, что он придет домой поздно. — Понятно, — вмешалась Мать, выходя с Саске, бросив на меня нерешительный взгляд, прежде чем обратиться к шиноби. — Спасибо, Якуми-сан. — Ничего страшного, мадам. Мать еще раз взглянула на меня, прежде чем уйти с моим братом. — Я пойду, — сказала она, — пожалуйста, помоги Якуми-сану с багажом, Итачи. Я кивнул, прежде чем потянуться за одним из неиспользованных свитков из стопки на ближайшем ящике и быстро запечатать чемоданы, разбросанные у моих ног. Несмотря на обыденность, задача оказалась простой, и через пять минут мы были готовы отправиться на новую территорию клана. Новая резиденция, хоть и немного больше нашей предыдущей, все же источала аромат свежесмонтированной сантехники. Снаружи на заборе энергично щебетала небольшая группа воробьев, готовящихся устроиться на ночлег. В саду за домом воздух наполнился ритмичным постукиванием бамбуковой руки сиси-одоси по камню, сопровождаемым успокаивающим струйкой воды, заполняющей декоративный элемент. Выйдя на недавно покрытую лаком деревянную дорожку, мое внимание привлекли раздвижные ширмы сёдзи, обрамленные замысловатыми деревянными решетками, позволяющие взглянуть на мягко освещенный интерьер. Полупрозрачная рисовая бумага рассеивала мягкий свет, создавая очаровательные узоры на татами внутри. Мать уже устроилась, нежно покачивая Саске на коленях и глядя в окно. Отец приложил все усилия, чтобы этот переход прошел гладко для меня и матери, но, несмотря на его усилия, сохранялось неуловимое чувство тоски по нашему старому дому, которое этот новый не мог полностью удовлетворить. Даже я изо всех сил пытался сформулировать, чего именно не хватает. Возможно, это была просто сентиментальность, корнящаяся в воспоминаниях о доме моего детства. У меня вырвался вздох, когда я поставил коробку со свитками на ближайший стол. Якуми вошел следом за мной, поставив свою коробку. — Вам нужна помощь с перестановкой, Микото-сама? — спросил он. Мать повернулась к нему, улыбка украсила ее лицо. — Спасибо, Якуми, но мы с Итачи справимся отсюда. Вам

следует позаботиться о моем муже; Я уверен, что ему больше понадобится ваша помощь. Шиоби поклонился, прежде чем уйти. Рассеянно, я повторил его прощание, мое внимание переместилось на распечатывание и перестановку наших вещей. Прежде чем присоединиться ко мне, мама усадила Саске в маленькую деревянную колыбельку, пережиток моего детства. Вместе мы работали в комфортной тишине, пока матери не пришлось извиняться, чтобы приступить к приготовлению ужина. Я выполнил свою задачу за несколько мгновений до того, как солнце полностью опустилось за горизонт. Выйдя на улицу Энгава, я увидел перед собой сюрреалистическую сцену. Небо окрасилось в малиновые оттенки, а зелень окружающего леса стала мрачно-синей. Это было, несомненно, красиво, но с оттенком дурного предчувствия. □□□□ Наступает багровый рассвет, □□□□ Синие тени исчезают, □□□□ Чувства оживают. – Приятно, не так ли? Я кивнул, не отрывая взгляда от этой сцены, пока не убедился, что она запечатлена в моих воспоминаниях. Шаринган снова растворился в темных глубинах моих глаз, и я наконец повернулась к Отцу.

<http://tl.rulate.ru/book/106678/3865738>